

DOI: 10.15393/j9.art.2013.381

Ольга Владимировна Захарова

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ovzakh05@yandex.ru*

ПРОБЛЕМА КАТАРСИСА У ДОСТОЕВСКОГО: ИЗ ГАЗЕТНОЙ ПОЛЕМИКИ 1873 ГОДА*

Аннотация: Проблема катарсиса впервые поставлена в «Поэтике» Аристотеля. Аристотель достаточно широко трактовал понятие «катарсис», который мог быть и трагедийным, и музыкальным, но всегда означал очищение — очищение как диалог поэта и зрителя, одну из задач искусства.

В тезаурусе Достоевского нет категории «катарсис», но есть его русский эквивалент: очищение. Очищение страданием — одна из ключевых идей его творчества. Эту идею Достоевский выразил в творчестве, начиная с «Записок из Мертвого Дома», но впервые высказал прямо в третьей главе «Среда» в «Дневнике Писателя» за 1873 г. Достоевский противопоставляет социалистическому учению о «среде» христианскую идею ответственности человека за свои и чужие поступки. Либеральная журналистика не приняла идею «очищения страданием» Достоевского: она высмеяла писателя (Л. К. Панютин, А. Г. Ковнер, В. П. Буренин, А. С. Суворин). Вместо понимания и уважительной полемики Достоевский услышал ругань и хамство в свой адрес. Консервативная критика обошла вниманием этот эпизод «Дневника Писателя». Понимание этой идеи как катарсиса пришло уже после смерти писателя в XX в. в работах С. Цвейга, Н. Бердяева и др. Несмотря на то что в современной критике высказываются сомнения, есть ли катарсис у Достоевского, следует признать, что катарсис является категорией поэтики Достоевского, очищение страданием составляет сущность эстетического сопереживания автора и читателя, выражает смысл его творчества.

Ключевые слова: Аристотель, Гете, Достоевский, катарсис, очищение страданием, критика, полемика, фельетон

Проблема катарсиса впервые поставлена в «Поэтике» Аристотеля, который рассматривал ее как один из признаков трагедии:

...трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему определенный объем, [подражание] при помощи речи, в каждой из своих частей различно украшенной; *посредством действия, а не рассказа, совершающее путем сострадания и страха очищение подобных аффектов* [1, 56].

Катарсис, по Аристотелю, выражает смысл творчества, сущность эстетического воздействия искусства на человека. Видя страдания на сцене, сострадая происходящему, зритель очищается от аффектов, от которых страдают и погибают герои.

Еще одно упоминание Аристотелем этой категории — описание музыкального катарсиса в трактате «Политика»:

Аффекту, сильно действующему на психику некоторых лиц, подвержены, в сущности все, причем действие отличается лишь степенью своей интенсивности; например, [все испытывают] состояние жалости, страха, а также энтузиазма. И энтузиастическому возбуждению подвержены некоторые лица, впадающие в него под влиянием религиозных песнопений, когда эти песнопения действуют возбуждающим образом на психику и приносят как бы исцеление и очищение. То же самое, конечно, испытывают и те, кто подвержен состоянию жалости и страха и вообще всякого рода прочим аффектам. <...> Все такие лица получают своего рода очищение, то есть облегчение, связанное с наслаждением¹ [цит.: 4, 88].

Аристотель достаточно широко трактовал понятие «катарсис», который мог быть и трагедийным, и музыкальным, но всегда означал *очищение* — очищение как диалог поэта и зрителя, одну из задач искусства. К этому эффекту должен стремиться каждый автор.

В тезаурусе Достоевского нет категории «катарсис», но есть его русский эквивалент: *очищение*. Очищение страданием — одна из ключевых идей его творчества.

Эту идею он выразил в творчестве, начиная с «Записок из Мертвого Дома», но впервые высказал прямо в третьей главе «Среда» в «Дневнике Писателя» за 1873 г., опубликованной во втором номере «Гражданина» от 8 января. Оценивая оправдательные приговоры, вынесенные судами присяжных, Достоевский противопоставляет социалистическому учению о «среде», которое «обезличивает» человека, освобождает «отъ всякаго нравственнаго личнаго долга, отъ всякой самостоятельности, доводитъ до мерзѣйшаго рабства» христианскую идею ответственности человека за свои и чужие поступки (34)². По мнению писателя, сокрытая в русском народе идея его виновности *вмѣстѣ съ каждымъ преступникомъ* дает человеку веру в то, что

...среда зависить вполнѣ отъ него, отъ его непрерывнаго пока-
нiя и самосовершенствованiя. Энергiя, трудъ и борьба, — вотъ
чѣмъ перерабатывается среда. Лишь трудомъ и борьбой достига-
ется самобытность и чувство собственного достоинства (34).

Писатель призываетъ присяжныхъ входить в залу с мыслью,
«что и мы виноваты», тогда

боль сердечная <...> будетъ для насъ наказанiемъ <...> она насъ
очистить и сдѣлаетъ лучшими <...>, мы и среду исправимъ
и сдѣлаемъ лучшею (33).

Вспоминая свое пребыванiе на каторге, авторъ «Дневника
Писателя» уверяетъ, что ни один из преступниковъ

...не миновалъ долгаго душевнаго страданiя внутри себя, сама-
го очищающаго и укрѣпляющаго <...> повѣрьте, никто изъ нихъ
не считалъ себя правымъ въ душѣ своей! (35)

Замечая, что каторга облегчаетъ участь преступника, так
какъ происходитъ «самоочищенiе страданiемъ», Достоевскiй
предостерегаетъ «снисходительныхъ» присяжныхъ:

Вы вливаете въ его душу безвѣрiе въ правду народную, въ
правду Божiю; оставляете его смущеннаго (35).

Либеральная журналистика зло высмеяла Достоевскаго.
Первымъ откликнулся Л. К. Панютин. 14 января он опубликовал
фельетонъ, в которомъ негативно оценилъ «Дневникъ Писа-
теля» какъ дикiе «инсинуацiи объ усиленiи наказанiя для
преступниковъ», а «Гражданинъ», какъ «отдающiй мертвечи-
ной журналъ»³.

Фельетонистъ задаетъ саркастичные вопросы:

Кто, нечитавшiй въ «Гражданинѣ» «Дневника Писателя»
повѣритъ, что эти возмутительныя строки написаны г. О. Досто-
евскимъ, гуманнымъ авторомъ «Мертваго Дома»? Признаюсь,
я и теперь не увѣренъ, что это имя попало подъ статью не по
ошибкѣ наборщика. Или справедливы слухи, одно время ходив-
шiе въ литературномъ кружкѣ, о болѣзненномъ состоянiи г. До-
стоевскаго? Или ему не случалось читать о томъ, какъ оправдан-
ные обливались слезами раскаянiя? Или ему неизвѣстны
безчисленные примѣры того, какъ жестокое наказанiе превыше
вины ожесточало преступниковъ, посягавшихъ на новыя престу-
пленiя, просто съ отчаянiя?

Не пытаюсь понять смысл слов Достоевского, Л. К. Панютин восклицает: «Дивныя дѣла творятся на святой Руси!». Он сравнивает автора с Гоголем, а «Дневник Писателя» с «Перепиской с друзьями»:

Первые симптомы нынѣшняго настроенія г. Достоевскаго начали проявляться въ его романѣ «Преступленіе и наказаніе», гдѣ рядомъ съ тонкимъ психологическимъ анализомъ, попадались тирады, похожія на горячечный бредъ разстроеннаго воображенія; въ «Бѣсахъ» еще замѣтнѣе стремленіе къ болѣзненной фантастичности, а «Дневникъ Писателя» еще болѣе напоминаетъ извѣстныя записки, оканчивающіяся восклицаніемъ: «а все-таки, у алжирскаго бея на носу шишка!»

Портрет писателя, выставленный в Академии художеств, вызывает у Л. К. Панютина язвительную «жалостливость»:

Довольно взглянуть на портретъ автора «Дневника писателя», <...> чтобъ почувствовать къ г. Достоевскому ту самую «жалостливость», надъ которою онъ такъ некстати глумится въ своемъ журналѣ — это портретъ человѣка, истомленнаго тяжкимъ недугомъ.

Достоевский ответил на эту насмешку пародией в главе «Бобок»:

...однакоже вотъ меня и сумасшедшимъ сдѣлали. Списаль съ меня живописецъ портретъ изъ случайности: «все-таки ты, говоритъ, литераторъ». Я дался, онъ и выставилъ. Читаю: «Ступайте смотрѣть на это болѣзненное, близкое къ помѣшательству лицо» (162).

Этот эпизод в полемике Достоевского и Панютина обстоятельно проанализировал В. А. Туниманов [7].

На следующий день после выхода воскресного фельетона Л. К. Панютина в третьем номере «Гражданина» (15 января) Достоевский опубликовал четвертую главу «Дневника Писателя», в конце которой он пересказал разговор с одним «изъ самыхъ уважаемыхъ мною людей», мнением котораго он дождет, имея в виду, конечно, не фельетониста «Голоса» (64). Вспоминая его оценку главы «Среда», писатель удивленно сокрушается, что идеи, высказанные в ней, были не поняты:

Я былъ горестно изумленъ. <...> Неужели такъ можно истолковать мою статью! Послѣ этого ни объ чемъ нельзя говорить <...> Но какъ однакоже могутъ быть поняты и перетолкованы слова (64).

Предчувствия не обманули писателя. Вместо понимания и уважительной полемики Достоевский услышал ругань и хамство в свой адрес. В этом смысле не стал исключением фельетон В. П. Буренина, опубликованный 20 января, в котором он оценивает Достоевского-публициста как «кликушечного фельетониста»:

...онъ невмѣняемъ по отношенію къ здравому смыслу и логикѣ <...>, проводить свою философію и свою мораль отнюдь не черезъ процессъ мышленія, а черезъ процессъ, если такъ можно выразиться нервическаго выкликанія», а «Дневник Писателя» как «проповѣдь очистительнаго значенія каторги»⁴.

Публикация в третьем номере «Гражданина», по мнению критика, свидетельство того, что «г. Достоевскій самъ себѣ, кажется, не вѣрить» и желает оговориться, что «я-де совсѣмъ не то хотѣлъ сказать».

Достоевский вернулся к разъяснению своего понимания «очищения страданием» в пятой главе «Влас» «Дневника Писателя», опубликованной в четвертом номере «Гражданина» 22 января. Полемизируя с Некрасовым, писатель убеждает читателя в том, что поэта в русском народе поражает «потребность самоспасенія, эта страстная жажда страданія», которая выражает такие качества русского народа, как

...потребность хватить черезъ край, потребность въ замирающемъ ощущеніи, дойдя до пропасти, свѣситься въ нее на половину, заглянуть въ самую бездну и <...> броситься въ нее какъ ошалѣлому, внизъ головой. Это — потребность отрицанія въ чловѣкѣ иногда самомъ не отрицающемъ и благоговѣющемъ, отрицанія всего, самой главной святыни сердца своего, самаго полнаго идеала своего, всей народной святыни во всей ея полнотѣ <...> Я думаю самая главная, самая коренная духовная потребность русскаго народа — есть потребность страданія, всегдашняго и неутолимаго, вездѣ и во всемъ (98).

Эти черты, по мнению писателя, объясняют, почему:

...у русскаго народа даже въ счастья непремѣнно есть часть страданія, иначе счастье его для него не полно. Никогда, даже въ самыя торжественныя минуты его исторіи, не имѣетъ онъ гордаго и торжествующаго вида, а лишь умиленный до страданія видъ;

онъ въздыхаетъ и относить славу свою къ милости Господа. Страданіемъ своимъ русскій народъ какъ бы наслаждается (98).

Русскому народу присуще «сердечное знаніе Христа и истинное представленіе о немъ» (98). Достоевскій допускает, что Христос

...можетъ быть единственная любовь народа русскаго <...> и онъ любить образъ Его по своему, то есть до страданія (99).

Третья и пятая главы «Дневника Писателя» стали предметом полемики в фельетоне А. Г. Ковнера, опубликованном в «Голосе» 25 января⁵. По мненію фельетониста, глава «Среда» один из примеров того, «что значить не разсуждать и не шевелить "мозгами"». Воскликая «Боже великій, до чего же договорился г. Достоевскій, сойдясь съ княземъ Мещерскимъ», А. Г. Ковнер спрашивает:

Кто же больше клевететь на народъ — г. Достоевскій ли, говорящій, что народъ имѣетъ «потребность» страданія, или тѣ, которые желаютъ избавить его отъ излишнихъ страданій и которымъ г. Достоевскій обѣщаетъ «комическое» будущее?..

Рассказ писателя об грехопадении Власа он рассматривает как «ничтожное обстоятельство», которое

...г. Достоевскій раздуваетъ въ цѣлую народную поэму; <...> пускаясь по поводу его въ разныя психическія тонкости, приходитъ къ открытію, что русскій народъ имѣетъ потребность «страдать»...

Как и роман «Бесы», «Дневник Писателя», по мненію А. Г. Ковнера, является свидетельством «болезненности» автора:

...грустно становится за писателя, который не понимаетъ больше окружающей его жизни съ настоящими ея страданіями, который неспособенъ уразумѣть настоящей смыслъ снисходительности суда присяжныхъ и который, останавливаясь на какомъ-нибудь единичномъ уродливомъ явленіи, анализируетъ его, какъ міровое событіе, и выводитъ изъ него законъ для общаго цѣлаго!..

Полемику с писателем А. Г. Ковнер продолжил после публикации в восьмом номере «Гражданина» (19 февраля) главы «Смятенный вид», в которой Достоевскій, затрагивая вопрос появления в России секты штундистов, говорит о

«предвызбранном» назначении русского народа, которое состоит в том, чтобы

...охранить у себя божественный образъ во всей чистотѣ, а когда придетъ время — явить этотъ образъ міру, потерявшему пути свои (226).

Эти слова Достоевского вызывают у фельетониста иронию в форме льстивой издевки:

Я до сихъ поръ былъ совершенно убѣжденъ въ великой мысли автора «Дневника»; я иначе и думать не могъ⁶.

Высмеивая писателя за мнимые противоречия, фельетонист доверительно спрашивает у читателя:

Понимаете ли вы теперь, какъ курьёзно быть авторомъ «Мертваго дома» и вѣрять въ очистительное назначеніе каторги, писать сегодня «Бѣдныхъ людей», «Униженныхъ и оскорбленныхъ», а завтра — «Бѣсовъ» и «Дневникъ писателя»? Чувствуете ли, какъ курьёзно на одной страницѣ возлагать всѣ свои надежды на тѣмныхъ «Власовъ», которые должны обновить міръ, а на другой — роптать на тѣхъ же «Власовъ» за то, что они слишкомъ снисходительны къ преступникамъ? Умѣстно ли въ одно время скорбѣть о народныхъ несчастіяхъ, а въ другое — проповѣдывать страданіе, какъ главную, коренную народную потребность?

А. Г. Ковнер призывает Достоевского покаяться, он «краснеет» за писателя.

Автор фельетона «Заметки провинциального философа» открыто признается, что не понимает Достоевского, жалоба которого на неправильное истолкование его слов, вызывает ироническое замечание: «какое злополучіе, не быть никогда понятымъ»⁷. Он упрекает писателя в том, что он «плодитъ жестокость, деревянность и тупость», и восклицает: «Г. Достоевскій, пощадите, пощадите!..»

Еще одним критиком идеи Достоевского стал А. С. Суворин, который иронизирует над тем, что каторга «освежает» и «очищает» человека, именуя ее «лечебницей отъ нравственныхъ недуговъ»⁸. Он уподобляет «Гражданин» «мертвому дому», вызывающему у сотрудников

...влеченіе къ бичеванію и очищенію, точно имъ совѣстно найдется въ мѣстѣ, имѣющемъ не особенно лестную литературную славу, и точно имъ невозможно не проповѣдовать о том, что это

не совѣмъ мертвый домъ русской мысли, а монастырская колокольня, на которую въ звонари допускаются только чистые сердцемъ и нищие духомъ.

Либеральная критика не приняла идею «очищения страданием» Достоевского: она высмеяла писателя. Консервативная критика обошла вниманием этот эпизод «Дневника Писателя».

Достоевский мыслил идею «очищения страданием» как ключевую в романе «Преступление и Наказание»⁹.

Понимание этой идеи как катарсиса пришло уже после смерти писателя.

В 1920 г. С. Цвейг опубликовал трилогию «Три мастера. Бальзак. Диккенс. Достоевский», в которой он обратил внимание на то, что

...в конце всех романов Достоевского является катарсис греческой трагедии, великое очищение: над прошумевшими грозами в прозрачном воздухе торжественно сияет радуга, для русского высший символ примирения [8, 104].

Это толкование соответствует концепции катарсиса как категории поэтики, предложенной Гете в «Примечании к "Поэтике" Аристотеля»:

...когда трагедия исчерпала средства, возбуждающие страх и сострадание, она должна завершить свое дело гармоническим примирением этих страстей¹⁰.

По отношению к творчеству Ф. М. Достоевского этот закон поэтики сформулировал Н. Бердяев:

Освобождающий свет есть и в самом темном и мучительном у Достоевского. Это — свет Христов, который и во тьме светит. Достоевский проводит человека через бездны раздвоения — раздвоение основной мотив Достоевского, но раздвоение не губит окончательно человека. Через Бого-Человека вновь может быть восстановлен человеческий образ [2, 221].

Несмотря на то что в современной критике высказываются сомнения, есть ли катарсис у Достоевского [6], следует признать, что катарсис является категорией поэтики Достоевского, очищение страданием составляет сущность эстетического сопереживания автора и читателя, выражает смысл его творчества.

Примечания

- * Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.
- 1 Сравним с переводом А. Ф. Лосева: «Аффекту, сильно действующему на психику некоторых лиц, подвержены, в сущности, все, причем действие отличается лишь степенью своей интенсивности; например, [все испытывают] состояние жалости, страха, а также энтузиазма. И энтузиастическому возбуждению подвержены некоторые лица, впадающие в него под влиянием религиозных песнопений, когда эти песнопения действуют возбуждающим образом на психику и приносят как бы исцеление и очищение. То же самое, конечно, испытывают и те, кто подвержен состоянию жалости и страха и вообще всякого рода прочим аффектам, поскольку каждый такой аффект свойствен данному индивиду. Все такие лица получают своего рода очищение, то есть облегчение, связанное с удовольствием» [5, 188].
 - 2 Цитаты приводятся по: Достоевский Ф. М. *Дневник Писателя // Гражданин*. 1873. № 2 (8 января). С. 32—36; № 3 (15 января). С. 60—64; № 4 (22 января). С. 96—100; № 6 (5 февраля). С. 162—166; № 8 (19 февраля). С. 224—226. Номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.
 - 3 Адмирари Нил. <Панютин Л. К.> Листок // *Голос*. 1873. № 14. 14 января.
 - 4 Z. <Буренин В. П.> Журналистика. Нечто о «великом слове» и великом пророке, его возвестившем. Полное воскресение в журналистике вопроса о призвании варягов. «Переговоры кн. Меншикова в Константинополе», г. Богдановича. «Практическая философия XIX века», г. А. Б. «Странники или бегуны», г. Розова («Вестник Европы», январь). Очистительное значение каторги и нервически-выкликательные фельетоны г. Ф. Достоевского («Гражданин», №№ 1, 2 и 3) // *Санкт-Петербургские Ведомости*. 1873. № 20. 20 января.
 - 5 <Ковнер А. Г.> Литературные и общественные курьезы // *Голос*. 1873. № 25. 25 января.
 - 6 <Ковнер А. Г.> Литературные и общественные курьезы // *Голос*. 1873. № 60. 1 марта.
 - 7 Заметки провинциального философа (Посвящается «Гражданину») // *Неделя*. 1873. № 5. 4 февраля. С. 178—184.
 - 8 Незнакомец <Суворин А. С.> Недельные очерки и картинки. Нечто о каторге и добродетели // *Санкт-Петербургские Ведомости*. 1873. № 55. 25 февраля.
 - 9 Подробнее об этом см. главу «"Православное воззрение": Идеи и идеал в романе "Преступление и Наказание"» [3, 260—272].

- ¹⁰ Гете И. В. Примечание к «Поэтике» Аристотеля // Гете И. В. Собр. соч. в 10 т. Т. 10. М.: Худож. лит., 1980. С. 398—401.

Список литературы

1. *Аристотель*. Об искусстве поэзии. М.: Худож. лит., 1957. 184 с.
2. *Бердяев Н. А.* Собрание сочинений. А. С. Хомяков. Миросозерцание Достоевского. К. Леонтьев. Париж: YMCA-Press, 1997. Т. 5. 580 с.
3. *Захаров В. Н.* Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
4. *Лосев А. Ф., Шестаков В. П.* История эстетических категорий. М.: Искусство, 1965. 376 с.
5. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.
6. *Померанц Г.* Есть ли катарсис у Достоевского? Обзор неакадемической критики // Достоевский и мировая культура. Альманах № 2. СПб., 1994. С. 14–24.
7. *Туниманов В. А. Л. К. Панютин* и «Бобок» Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. С. 160–163.
8. *Цвейг С.* Три мастера: Бальзак, Диккенс, Достоевский. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. М.: Республика, 1992. 286 с.

Olga Vladimirovna Zakharova

*Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of
Russian Literature and Journalism,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
ovzakh05@yandex.ru*

THE CONCEPT OF CATHARSIS IN FYODOR DOSTOEVSKY'S WORKS: FROM THE NEWSPAPER POLEMICS OF 1873

Abstract: The question of catharsis was first brought up by Aristotle in his *Poetics*. Aristotle used to interpret catharsis in an extended sense. For him it could be tragic or musical, but it always meant purification or purgation as a dialogue between a poet and a spectator seen as one of the aims of art.

In Dostoevsky's thesaurus there is no such a category as catharsis, but there is this word's equivalent in the Russian language: *ochishchenie* (which can be translated as *purification*). Purification through suffering is one of the key ideas of Dostoevsky's works. He expressed this idea in his prose beginning with *Notes from the House of the Dead* but it was first stated directly in the third chapter (entitled *Environment*) of *A Writer's Diary* of 1873. Dostoevsky contrasted the socialist doctrine of "environment" with the Christian idea of personal responsibility for our own and other people's actions. Liberal

journalists did not accept Dostoevsky's idea of "purification through suffering" and met it with derision (e. g., L. K. Paniutin, A. G. Kovner, V. P. Burenin, A. S. Suvorin). Instead of understanding and a justifiable dispute, Dostoevsky faced malediction and rudeness. Conservative critics, on the other hand, overlooked this episode of *A Writer's Diary*. This idea started to be appreciated only in the 20th century, long after the writer's death, and was developed in the works of S. Zweig, N. Berdyaev and others. Notwithstanding the fact that contemporary critics question the presence of catharsis in Dostoevsky's prose, one should admit that it is one of the categories of his poetics. The purification through suffering is the essence of the aesthetic empathy between the author and his reader and implies the meaning of his creative works.

Keywords: Aristotle, Goethe, Dostoevsky, catharsis, purification through suffering, criticism, polemics, feuilleton

References

1. Aristotel'. *Ob iskusstve poezii [The Art of Poetry]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1957. 184 p.
2. Berdyaev N. A. *Sobranie sochineniy. A. S. Khomyakov. Mirosozertsanie Dostoevskogo. K. Leont'ev [Complete Works. A. S. Khomyakov. Dostoyevsky's World View. K. Leontiev]*. Paris, YMCA-Press Publ., 1937, vol. 5. 580 p.
3. Zakharov V. N. *Imya avtora – Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [The Author's Name is Dostoyevsky. An Essay on the Creative Work]*. Moscow, 2013, Indrik Publ., 456 p.
4. Losev A. F., Shestakov V. P. *Istoriya esteticheskikh kategoriy [The History of Aesthetic Categories]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1965. 376 p.
5. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Aristotel' i pozdnyaya klassika [The History of Ancient Aesthetics. Aristotle and Later Classics]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975. 776 p.
6. Pomerants G. Est' li katarsis u Dostoevskogo? Obzor neakademicheskoy kritiki [Is there Catharsis in Dostoyevsky's Works? Review of Non-Academic Criticism]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh [Dostoyevsky and World Culture. Almanac]*. Saint-Petersburg, 1994, no. 2, pp. 14–24.
7. Tunimanov V. A. L. K. Panyutin i «Bobok» Dostoevskogo [Lev Panyutin and Dostoevsky's "Bobok"]. *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoyevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 160–163.
8. Tsveyg S. *Tri mastera: Balzak, Dikens, Dostoevskiy. Triumf i tragediya Erazma Rotterdamskogo [Three Masters: Balzac, Dickens, Dostoyevsky. Triumph and Tragedy of Erasmus Roterodamus]*. Moscow, Respublika Publ., 1992. 286 p.